

МОДЕРАТОР КИРИЛЛОВ

Роль Игоря Леонидовича в канале ВИДа столь же загадочна, сколь и сама эмблема телекомпании Любимова-Политковского...

СОМНИТЕЛЬНОЕ

— У работника "Останкина" обязан быть иммунитет ко всякого рода сплетням, слухам. Вы должны со скепсисом воспринимать такую информацию, зная ей цену.

— Да, абсолютно верно. Например, когда мы с Анной Шиловой многие годы вели "Огоньки", все считали, что мы муж и жена. Однажды мы в МУРе выступали. Такой концерт-встреча со зрителями. Рассказывали всякие байки про нашу жизнь. Я спрашиваю: "Вы, наверное, думаете, что мы муж и жена?" Вдруг какой-то майор (начальственный такой голос): "Но-но, не забывайте, где мы находимся, мы лучше знаем, кто муж, кто жена, не заливайте". Я растерялся. Мы с ней решили больше никогда не возражать. До сих пор еще спрашиваю: "Как поживает ваша супруга?" Моя жена не ревнует и не ревновала, потому что она знает наши дружественные отношения. А уж всяких сплетен было! Например, старушка приезжала, уверяла меня, что я ее сын (это на Шаболовке еще, где-то 59-й год). Однажды приехала женщина с двумя детьми, уверявшая, что один из этих мальчиков — мой сын, которого я зачал, когда возвращался с фронта в 1946 году. Мне-то тогда 12 годков было и я никак не мог принять участия во фронтовых действиях. Тем более в таких действиях. Так что, повторю, сплетен всяких много было.

— А про кого из телезвезд вашей волны говорили больше всего?

— Про Леонтьеву. Говорили, что она агент ЦРУ. Были письма: "Правда ли, что наша любимая "Тетя Валя", которую мы столько лет видели в "Спокойной ночи, малыши" и в других детских передачах, оказалась агентом ЦРУ и когда ее пришли разоблачать наши славные чекисты, то она выбросилась с 9 этажа?" Подпись: "Ученики 4"а" класса."

ЗВЕЗДНОЕ

— Сплетни — это как бы показатель неравнодушия зрителя. Они не возникают вокруг пресных, неинтересных фигур.

— И еще этот интерес подогревается тем, что об актерах, кинорежиссерах, киноактерах, художниках кино все-таки есть мемуарная, биографическая литература, киноведческая. О работниках телевидения — очень мало.

— Но зато знаменитый "работник телевидения" очень часто становится объектом газетных интервью.

— Интервью — это еще очень завуалировано. Когда о человеке ничего не известно, а он все время на глазах, то волей-неволей любящая маленькая искорка сплетен превращается в костер. Говорили, например, что Шилова — дочь Булганина. Какие-то общие черты были, глаза, в бровях что-то нашли.

— У вас был в биографии "звездный час", когда вас больше всего интервьюировали?

— Нет, все было достаточно ровно. Как и наша профессия, дикторская. Не та, кстати, которую у сейчас осваиваю. На Западе она называется модератор, у нас нет аналога на русском языке, поэтому мы говорим "ведущий". Самое смешное — это то, что к этому я вернулся через 33 года. С этого я начинал. Я ведь вообще режиссером хотел стать. Поступал на телевидение не для того, чтобы стать диктором. Репортер должен быть именно модератором, который должен все что угодно делать, чтобы передача прошла в эфир. А так как записи не было, а эта передача 7-10 раз повторялась, то 7-10 раз я выходил в эфир. Тогда я чувствовал себя свободным. Я уже не говорю о концертной студии, когда сюда переехали, в Останкино.

СЕМЕЙНОЕ

— Кстати, ваша никотиновая норма?

— Штук 15 в день.

— Портсигар необычный. Я вообще раньше не видел кожаных...

— Это подарок моей болгарской родственницы. Удобно, никто не знает, какого сорта сигареты. Пусть думают, что хорошие. Раньше у меня был такой же, но мексиканский, лет

двадцать пять я им пользовался, мне он от отца достался.

— Кто ваш отец?

— Ваш коллега был, журналист. Редактор в "Воениздат", фанат русского языка. К каждому слову придирался. Отец заложил основы культуры своим внукам и внучке.

— А мать?

— Мать в библиотеке всю жизнь проработала. Я единственный в семье. Братьев, сестер нет. Зато много двоюродных братьев и по линии отца и по линии матери.

— Вы москвич?

— Коренной. И супруга тоже. Она звуко-режиссер, работает на телевидении.

— Вы познакомились здесь?

— Нет, мы познакомились еще в 43 году, когда нам было 11 лет и жили в одном дворе. Она жила в квартире с балконом. А у нас не было балкона, но из моего окна ее балкон был виден. Как зовут? Ирина. Она закончила энергетический институт. По линии отца пошла.

— У вас много детей?

— Дочь старшая и сын. Дочь окончила консерваторию, преподает музыку, концертирует с мужем.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ

— Вы были (и по-прежнему остаетесь) сверхзнаменитым. Вам приходилось общаться с Первыми Лицами?

— Я старался этого избегать. В прошлом один раз у меня была встреча. Колоссальный эпизод в моей биографии журналистской. И очень печальный. В первый раз, когда Брежнев поехал с Никсоном встречаться в Америку, 1972 год. Когда он возвращался, я выяснил, что накануне в Париже Лион Зитрон (знаменитый французский комментатор) спокойно подошел к Леониду Ильичу на аэродроме и задал несколько вопросов. И Брежнев ответил на эти вопросы. Я подумал, почему же мы этого сделать не можем? Более того: имел глупость об этом сказать нашему Лапину. Кто меня за язык дернул? Не знаю. Он говорит: "Очень хорошо, ты поедешь на аэродром и возьмешь у него интервью". Почему я? Есть другие комментаторы. Нет, настаивает председатель, поедешь ты. Мне дали машину. Я приехал. Очень хорошо ко мне отнеслись фотокорреспонденты, дали мне место, микрофон со знаменитым шнуром, на который никто не должен был наступать. Я никогда не забуду, как мимо нас проходила эта монолитная масса — Политбюро. Слово в замедленной съемке. Во-первых, лица все безумно здоровые, в необыкновенном румянце. Они шествовали, будто боги Олимпа по воздуху. Не торопясь, с таким достоинством шли, что я просто ошалел. В такой близи я их никогда не видел. Ко мне подходит небольшого роста, с вот такими бицепсами человек (из 9 управления) и говорит: "Интервью не будет". Как не

будет, все же договорено? Я думаю: "Если уж я сюда попал, как бы мне выбежать, чтобы мне не наступили на кабель?" Я намотал его, все сделал. И вот идет Брежнев. Я делаю рывок. Но я недооценил 9 управление. В это время вцепились (сначала в левую руку) пальцы охранника. (У меня три недели синяки были.) А ногой он встает на кабель микрофона! Я кричу: "Леонид Ильич!" Думаю, может, он узнает меня и скажет, иди, мол. У меня ведь элементарный вопрос был. Как в Париже. Чтобы вождь сказал, что да, вернулся на Родину, очень приятно, побывав в Америке. Чтобы 2-3 слова сказал. Короче, вечером я всю эту сцену видел дома. В программе "Время". Общий план давали, был виден мой затылок...

— Неприятностей, кстати, потом не было?

— Нет. Оказалось, что в Париже очень просто взять интервью у главы советского государства. Для этого не надо было ни у кого спрашивать разрешения. А здесь надо было пройти целый ряд инстанций (Суслов, Демичев, члены Политбюро), чтобы связаться с самолетом. Брежнев, выяснилось, очень был ослаблен в самолете, поэтому решили не встречаться.

— А с предшественником Пятизвездного Генсека доводилось встречаться?

— С Хрущевым, я помню, пообщались, когда сидели в Свердловском зале. Он любил поговорить. Потом, между прочим, вместе сфотографировались. Руку он мне жал.

— Вы считаете себя политизированным человеком?

— Я не политолог, я не считаю себя настолько политизированным. Но очень внимательно слежу за политикой. Потому что это уже стало необходимостью. Меня брали сюда (на ЦТ) в 57 году прежде всего для того, чтобы читать каждый вечер новости. Поэтому я (это вошло в привычку) просматривал ежедневно газеты, делал прогнозы.

АНДРОПОВСКОЕ

— Прокролы в работе, обернувшиеся неприятностями, были?

— Да. Был такой случай. В тот день я не работал (был день рождения Андронникова, кстати). Я не очень хорошо себя чувствовал. Меня вызвали, чтобы я представил специальное заявление Андропова. Оно пришло утром. Текст был сложным (стилистика была такая!). Но... побороться с этим текстом можно было. Спортивный, творческий интерес вызвал этот текст. И меня очень смутил там один переход, не вязалось никак одно с другим. Довольно нервная речь, вдруг какой-то переход на милитаристские не то что угрозы, но на тему с бряцанием оружием Варшавского Договора. Жена позвонила, спросила, как я себя чувствую. Все хорошо, отвечаю, материал очень сложный, в одном месте не могу найти логику.

Обычно читали по живому, но тогда решили записать, так как это было очень важно. Я пошел к редактору и сказал: "Извините, давайте еще раз проверим". Он сидел с "тассовскими" кусочками, нарезанными уже. И вот между 6 и 7 частью — провал. Редактор даже обиделся: "Если вы мне не верите, читайте, сами сверяйте". Действительно, все слово в слово, переход проверил, 6 и 7 часть, все нормально. Потом выяснилось: утром в ТАСС произошел какой-то сбой с техникой, остановились телетайпы, перешли на другие. И затесались эти 6 и 7 части из статьи какого-то генерал-полковника (как раз о Варшавском Договоре). И все было бы хорошо, будь копия материала. Обычно их приносили 3-4, а здесь только одна была. Вторая — у главного редактора, а третья у зама (в другом здании). Я записал первый дубль. Режиссер говорит: "Хорошо". А я недоумен, перехода с 6 на 7 часть не получилось плавного. Думаю: может, здесь большая пауза? Потом я решил так: Андропов — новый руководитель. Сталинское воспитание. Как Сталин делал? Выбрасывал какой-то абзац. Бенилюкс есть Бельгия и Нидерланды, про Люксембург забывали. Поэтому, может, Андропов тоже решил выбросить какой-то абзац? Чтобы покороче. Второй дубль получился лучше. Я подошел к техникам и спрашиваю: "Рейт-бэты, какой вам дубль понравился больше?" Второй, отвечают. И я знал, что они после этого уже переписывают этот дубль еще раз на другие ролики. Для страховки. Поэтому мог проверить мою запись главный редактор. Но он в это время занимался другими делами. И это все прошло по всем станциям! Телевидением же уже был распространен текст. Немцы, в частности, имели право переводить тексты после того, как услышат по телевидению, практически они переводили синхронно то, что я говорил. И когда дошли до этого места, немец не растерялся. Он все-таки перевел с бумаги, что у него была. Скандал разразился страшный. Секретариат ЦК заседал. Выговор получил Лапин (председатель), первый зампред Мамедов получил. Главный редактор был снят с работы. Мне же поставили на вид за формальное отношение к своим обязанностям.

— Вы эту историю уже прокачивали?

— Я очень не любил на эту тему говорить.

Сейчас уже успокоился. Очень неприятно, я глубоко переживал. Обидно было не то, что меня наказали. Не в этом дело. А в том, что я мог допустить такое. Я потом думал: что я мог тогда сделать, чтобы не допустить этого? В чем была вина? Мне нужно было в этих частях, которые я проверял, просто сверить индекс!

БЫТОВОЕ

— Какая у вас машина?

— "Жигули", девятка. Я около сорока лет за рулем.

— Гастрономические привязанности?

— Я негурман. Мое любимое блюдо: тонкий кусок хлеба с маслом, а сверху посыпать сахарным песком. Для меня это уже хорошо. Своенных лет воспоминание.

— А теперь блин-опрос. Хобби, семейные традиции, кредо и т.п.

— Хобби? Автомобиль. Возиться с ним, усовершенствовать — удовольствие. Езда? Особенно не лихачествую. Когда тороплюсь, стараюсь ехать аккуратно, соблюдаю правила.

Домашних животных дома нет. Когда сын жил с нами, была собака.

Отдыхаем на даче. Деревенская такая, недалеко, на Дмитровском шоссе. Удобств никаких нет особых, но нам там нравится.

Друзей у меня очень много. Самое тяжелое, когда праздник. Например, Новый год. Хочется всех поздравить, составляется список. День рождения? Сентябрь. По гороскопу — Дева. Гороскопы особо не примеряю на себя, потому что иногда прогнозы астрологов печальны. С точки зрения психологии это опасно. Если поддаться им, то будешь еще внушать себе, что что-то случится. Человеку не надо знать свою судьбу наперед, иначе ему будет трудно жить. Он должен верить в хорошее и настраиваться на благополучный исход.

Евгений ДОДОЛЕВ.

Фото из личного архива Кириллова.